

Уголовная ответственность за мошенничество и контрабанду с позиций соотношения общей и специальной нормы, а также принципа правовой определенности.

Куликов Егор Алексеевич

кандидат юридических наук

доцент, Алтайский государственный университет

656010, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Смирнова, 46

Kulikov Egor Alekseevich

PhD in Law

senior lecturer, Chair of Theory and History of State and Law, Altai State University

656010, Russia, Altai krai, g. Barnaul, ul. Smimova, 46, kv. 151

✉ kulikoveg@yandex.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье выступают действующие нормы уголовного законодательства об ответственности за мошенничество и контрабанду, а также научные публикации, посвященные данной тематике. Эти нормы рассматриваются с позиции конкуренции общей и специальной нормы, а также с точки зрения принципа правовой определенности. Особое внимание в статье уделяется проблеме разграничения ст. 159.6 УК РФ и ст. 159 УК РФ, в которых наблюдается несоответствие между способами совершения хищения как критериями разграничения его форм. Составы контрабанды рассматриваются с позиции правовой определенности, анализируются разъяснения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Автором используется сравнительный метод, формально-юридический метод, метод толкования права.. Также применяется метод восхождения от абстрактного к конкретному. Автором рассмотрены общий и специальные составы мошенничества в свете общетеоретического учения об общей и специальной норме. Активно использованы акты Конституционного Суда РФ, исследуется их роль и значение в толковании уголовно-правовых норм. Также в статье проанализированы отдельные положения новейшего постановления Пленума ВС РФ по контрабанде. Предпринимается попытка дать толкование нормам об ответственности за мошенничество и контрабанду, выявить проблемы применения этих норм на практике, а также предлагаются варианты решения выявленных проблем.

Ключевые слова: правовая определенность, контрабанда, хищение, обман, мошенничество, специальная норма, общая норма, конкуренция норм, коллизия, соразмерность

DOI: 10.25136/2409-7136.2017.8.23024

Дата направления в редакцию: 21-05-2017

Дата публикации: 16-08-2017

Abstract. The research subject is the current provisions of criminal legislation about responsibility for fraud and smuggling and scientific publications about this problem. The

author considers these provisions from the position of competition between general and special rule and from the position of the principle of legal certainty. The author gives special attention to the problem of differentiation between articles 159.6 and 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, describing various ways of committing fraud as the criteria of differentiation of its forms. Compositions of smuggling are considered from the position of legal certainty. The author analyzes clarifications of the Constitutional and the Supreme Courts of the Russian Federation. The author uses the comparative method, the formal-logical method and the method of interpretation of law. The author also uses the method of moving from abstract to concrete. The study considers general and special compositions of fraud in the contest of general theory of general and special rule. The author actively uses the decisions of the Constitutional Court, studies their role and importance in the interpretation of criminal legal provisions. The article analyzes particular provisions of the latest decree of the Supreme Court on smuggling. The author attempts to interpret the provisions about responsibility for fraud and smuggling, detect the problems of their use, and offers the ways to solve the detected problems.

Keywords: Competition of norms, Legal certainty, smuggling, Theft, Deception, fraud, Special rule, General rule, Collision, adequacy

Мошенничество и конкуренция общей и специальной нормы.

За последние несколько лет УК РФ подвергся значительным изменениям, особенно в части ответственности за преступления в сфере экономики. Особое место среди этих изменений занимают новеллы в части ответственности за мошенничество и контрабанду, эти преступления, несмотря на определенные различия в объекте посягательства и других признаках состава, объединяет ряд факторов, которые являются исходными для анализа в рамках настоящей статьи. Во-первых, это схожий алгоритм реформирования составов, в соответствии с которым общий состав конкретизируется рядом специальных составов, получивших самостоятельное закрепление в статьях Особенной части УК РФ (что значительно повысило уровень казуистичности норм УК РФ). Во-вторых, предпосылками для ряда изменений анализируемых составов выступают решения Конституционного Суда РФ о полной или частичной неконституционности норм УК РФ. В-третьих, несмотря на то, что изменения в нормы УК РФ в части ответственности за мошенничество и контрабанду вносились сравнительно недавно, сложилась определенная практика применения этих норм, позволившая Верховному Суду РФ принять ряд обобщающих постановлений Пленума по данным категориям дел (или смежным категориям). Наконец, анализ названных составов преступлений, обобщенной практики их применения, а также практики Конституционного Суда РФ позволил выявить ряд проблем, требующих на сегодняшний день законодательного решения, а также важные для толкования норм УК РФ правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Исследование норм УК РФ представляется необходимым провести в той последовательности, в какой они закреплены в уголовном законе.

На сегодняшний день проблема конкуренции общей и специальной нормы уголовного права решена в ч. 3 ст. 17 УК РФ, согласно которой «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». Таким образом, установлен безусловный законодательный приоритет специальной нормы перед общей. В рамках общей теории права дается пояснение относительно того, какую норму считать общей и какую – специальной «Под общей подразумевается норма, чье действие направлено на регулирование группы общественных отношений в целом. Общая норма олицетворяет

собой типовое отношение законодателя к ряду, по его мнению, общих случаев... Специальная норма представляет собой случай несколько иного правового регулирования законодателем подгруппы общественных отношений, нежели то осуществлено в отношении всей группы общественных отношений»[\[1, с. 59\]](#). Аналогичные рассуждения можно встретить и в работах, посвященных конкуренции уголовно-правовых норм [\[2, с. 57\]](#). Общая и специальная норма могут быть выражены различным образом, но в любом случае это определенные уровни охраны общественных отношений нормами уголовного права, при этом общая норма обладает более высокой степенью типизации, обобщенности, а специальная предусматривает детализацию запрета в зависимости от тех или иных обстоятельств, специально предусматриваемых законодателем в качестве заслуживающих особого отражения в норме.

При этом существует определенная мера соотношения общей и специальной нормы, также выработанная общей теорией права. Как указывает И.Н. Васев, специальная норма органически вытекает из общей, является её частным случаем, а потому *«специальная норма не может устанавливать принципиально иное по правовой природе правило, нежели то, которое заложено в общей норме»*[\[1, с. 60\]](#). Таким образом, специальная норма – это не изъятие из общей нормы (изъятие осуществляется посредством другого вида норм - исключительных), это своего рода продолжение общей нормы, определенное её дополнение, предусматривающее обстоятельства, содержащиеся в общей норме, а также дополнительные условия, делающие специальную норму применимой именно для определенной группы общественных отношений в рамках тех отношений, которым адресуется общая норма. Такая более высокая степень детализации и обуславливает содержание ч. 3 ст. 17 УК РФ.

В свете соотношения общей и специальной нормы можно рассмотреть правовую регламентацию мошенничества, претерпевшую существенные изменения в ноябре 2012 года. Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ дополнительно в главу 21 УК РФ введены шесть специальных составов мошенничества, один из которых Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ признан утратившим силу (мошенничество в сфере предпринимательской деятельности). При этом сохранил юридическую силу общий состав мошенничества (ст. 159 УК РФ), дополненный этим же законом от 3 июля 2016 г. чч. 5-7, а также связанными с этими частями примечаниями 1-4. Характерно, что в новейшем комментарии к УК РФ под ред. А.И. Рарога, отразившем названные изменения, ни примечания, ни части 5-7 ст. 159 УК РФ разъяснений не получили [\[3, с. 340-343.\]](#). Эти положения толкуются Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [\[4\]](#).

Такое очень оригинальное решение связано с постановлением Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» от 11 декабря 2014 г. № 32-П, в котором орган конституционного контроля впервые в истории признал статью 159.4 УК РФ не соответствующей Конституции РФ по причине того, что санкции этой статьи значительно ниже санкций основного состава (ст. 159 УК РФ), что несоразмерно общественной опасности первого преступления. Законодатель не стал изменять исходную статью, она в соответствии с названным постановлением утратила силу, и после чего ст. 159 УК РФ «обогадилась» тремя новыми частями, санкции которых соответствуют санкциям основного состава. Нас интересует не позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу, а важные для толкования УК РФ положения его

постановления в свете конкуренции общей и специальной нормы [\[5, с. 127-129\]](#).

Применительно к предмету исследования в настоящей статье необходимо отметить, что, во-первых, положения ст. 159.4 УК РФ (и, соответственно, ст. 159.6 УК РФ –Е.К.) являются специальной нормой по отношению к ст. 159 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за мошенничество; во-вторых, что при понимании норм УК РФ необходимо оценивать как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой, и исходя из их места в системе правовых норм [\[6, с. 309\]](#); в-третьих, и это на наш взгляд, самое важное, выделение в УК РФ специальных составов мошенничества не означает криминализацию каких-либо деяний, не подпадающих под действие его ст. 159, которая охватывает все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [\[7\]](#).

Из приведенной правовой позиции КС РФ следует два важных вывода: 1) специальные составы мошенничества, все без исключения, укладываются в общий состав, и не могут предусматривать иные варианты мошенничества; 2) мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием. По сути, КС РФ повторил общетеоретическое правило о том, что специальная норма не может предусматривать принципиально иной вариант, нежели общая норма, специальная норма лишь конкретизирует некоторые аспекты общей нормы, оставаясь в обозначенных ею пределах.

Хотя в пяти специальных составах мошенничества наблюдается разнообразная палитра способов совершения этого деяния, все они охватываются понятием обмана в его толковании Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 27 декабря 2007 г. № 51. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении или растрате». В нем Верховный Суд РФ прежде всего указал, что «мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо либо уполномоченный орган власти передают имущество или право на него другим лицам либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другими лицами». Это означает, что любое мошенничество включает в себя момент введения в заблуждение контрагента – владельца, иное лицо, или государственный орган, очерчены и способы этого введения в заблуждение – обман и злоупотребление доверием. Обман как способ мошенничества, по мнению Пленума ВС РФ, может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение в заблуждение владельца имущества или иного лица. Злоупотребление доверием в этом же постановлении Пленума ВС РФ определяется как состоящее в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам [\[8, с. 117\]](#). Получается, что с точки зрения практики судов общей юрисдикции мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием и предполагает момент введения в заблуждения какого-либо лица, ответственного за судьбу имущества. Аналогичные рассуждения мы можем встретить и в теории уголовного права, А.И. Бойцов, в частности, указывает, что «специфичность развития причинной связи при мошенничестве состоит в том, что в акте перехода имущества принимает непосредственное участие сам потерпевший, действующий (или бездействующий) под влиянием заблуждения» [\[9, с. 111\]](#).

В этой связи особое место среди специальных составов мошенничества занимает ст. 159.6 УК РФ, в которой речь идет не об обмане или злоупотреблении доверием (пусть даже в виде частных случаев), а о совершении хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем *ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей* (курсив автора – Е.К.). Налицо совершенно иной состав мошенничества, нежели предусмотренные статьями 159-159.5 УК РФ: совершающее деяние лицо контактирует с техников, воздействует на технику, а не на лицо или государственный орган, вводя их в заблуждение, речь о введении в заблуждение кого-либо здесь вообще не ведется. Сразу же возникает вопрос о толковании ч. 1 ст. 159 УК РФ и ч. 1 ст. 159.6 УК РФ в их соотношении между собой.

Как уже было сказано, специальная норма не может предусматривать принципиально иного правила, чем содержащееся в общей норме. Единственно возможный подобный вариант выхода одной нормы за пределы, установленные другой нормой, которую первая конкретизирует – это наличие исключительной нормы права, которая исключает действие и общей, и специальной норм ввиду особо рода обстоятельств (например, ст. 106 УК РФ выступает исключительной нормой по отношению к ст. 105 УК РФ) [\[1, с. 65-66\]](#). Однако, анализ ст. 159.6 УК РФ не позволяет сделать вывод об исключительном характере содержащейся в ней нормы – это вполне обычный состав преступления, представляющий собой особую разновидность хищения чужого имущества, рассматриваемую уголовным законом в качестве специального мошенничества.

Думается, однако, что законодатель внес неопределенность в понимание и применение анализируемого состава, назвав этот состав мошенничеством в сфере компьютерной информации. Эта неопределенность заключается в том, что мошенничество в соответствии с УК РФ, а также в согласовании с практикой применения норм УК РФ, как было подробно показано выше, – это хищение чужого имущества или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Именно на такой юридической конструкции состава мошенничества основаны ст.ст. 159-159.5 УК РФ.

Что же касается ст. 159.6 УК РФ, то её правильнее было бы назвать «хищение чужого имущества, либо приобретение права на имущество в сфере компьютерной информации», поскольку она предусматривает ответственность за совершенно иную форму хищения, нежели мошенничество. Под формами хищения в уголовном праве понимаются «те юридически значимые способы (приемы), посредством которых изымается имущество» [\[9, с. 103\]](#). Мошенничество в сфере компьютерной информации, если буквально толковать ч. 1 ст. 159.6 УК РФ, совершается путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, т.е. предполагает особый индивидуальный набор способов, позволяющий утверждать о наличии самостоятельной формы хищения.

Наличие в статье 159.6 УК РФ слова «мошенничество» требует, исходя из разъяснений Пленума ВС РФ, Конституционного Суда РФ, а также на основе системного толкования в связке со ст. 159 УК РФ, помимо установления и доказывания перечисленных в статье способов совершения хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество, ещё и обоснования наличия обмана либо злоупотребления доверием как необходимых компонентов общего состава мошенничества. Разумнее всего для

законодателя было бы исключить слово «мошенничество» из ст. 159.6 УК РФ, дабы не создавать труднопреодолимых препятствий для правоприменителя.

Пока же законодатель не исправил созданную им самим неопределенность, возможно толкование этого термина применительно к ст. 159.6 УК РФ *ad hoc*, т.е. как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, без привязки к общему составу мошенничества. Такое толкование отвечает логике построения составов хищений, логике уголовного закона в целом, однако, противоречит принципу гуманизма, согласно которому все сомнения должны толковаться в пользу подсудимого. На основании этого принципа любой приговор суда первой инстанции по ст. 159.6 УК РФ может быть обжалован в вышестоящий суд, если в нем не будут выявлены и обоснованы, наряду с перечисленными в названной статье способами, обман или злоупотребление доверием, поскольку речь идет о мошенничестве. Либо должен принципиально измениться подход к пониманию обмана и злоупотребления доверием в части охвата ими и «бесконтактных» способов, указанных в ст. 159.6 УК РФ, что, на наш взгляд, приведет к ещё более серьезной правовой неопределенности.

Таким образом, игнорирование устоявшихся в теории правил разграничения общей и специальной нормы способно породить непреодолимую практически неопределенность в уголовном праве, создать трудности для квалификации деяний и доказывания входящих в них признаков состава преступления. Между тем, нельзя считать обоснованным, что общего состава мошенничества было недостаточно для ответственности за деяния, перечисленные теперь в специальных составах. Таких неоднозначных решений законодателя с 2011 года в области уголовного права немало и они никак не способствуют укреплению законности и правопорядка в РФ. А рассмотренная неопределенность в части конкуренции ст. 159 и ст. 159.6 УК РФ практически непреодолима даже средствами толкования уголовного закона. Стремление к казуистичности и сужению сферы судейского усмотрения (к тому же, далеко не всегда последовательное, особенно если вспомнить по неизвестной причине убранные из санкций статей Особенной части нижние пределы) не обладает самостоятельной ценностью и оправдано постольку, поскольку облегчает, а не затрудняет применение уголовного права.

Новеллы уголовной ответственности за контрабанду в свете принципа правовой определенности.

В той же мере стремление законодателя осуществить сдвиг в пользу казуистичности уголовно-правовых запретов иллюстрируют изменения, произошедшие с составом контрабанды. До принятия Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ действовал единый состав контрабанды, предусмотренный ст. 188 УК РФ [\[10, с. 488-491\]](#). Данный состав являлся весьма проблемным и противоречивым, критиковался в юридической литературе, дважды становился предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, и, в конечном счете, законодатель исключил из УК РФ ст. 188, вместо неё предусмотрев на сегодняшний день четыре специальных состава контрабанды. К таковым относятся: ст. 200.1 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов»; ст. 200.2 «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий». Эти составы располагаются в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», что определяется основным объектом их посягательства. Кроме того, посягающей на общественную безопасность считается

контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (ст. 226.1 УК РФ). Среди преступлений против здоровья населения и общественной нравственности законодателем с 7 декабря 2011 г. помещена контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229.1 УК РФ).

Такого рода законодательное решение проблемы уголовной ответственности за контрабанду есть все основания признать вполне удачным, поскольку получили закрепление существенные различия между простой товарной контрабандой и контрабандой предметов, изъятых из оборота или ограниченных в обороте. В отличие от правовой регламентации мошенничества в случае с контрабандой законодатель, во-первых, не сохранил общий состав, чем были сняты возможные коллизии между ним и специальными составами в случае несовпадения признаков объективной стороны, и, во-вторых, сама структура составов ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ не позволяет констатировать те проблемы, которые возникают при сопоставлении ст.ст. 159 и 159.6 УК РФ. Следует, однако, отметить, что состав контрабанды, предусмотренный ст. 226.1 УК РФ уже становился предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, правда, не касательно самой формулировки текста уголовного закона, а в части конкретизирующего его бланкетного законодательства [\[11\]](#).

КС РФ, в частности, признал эту статью не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой «данное положение – при наличии приводящей к его произвольному истолкованию и применению неопределенности правового регулирования порядка и условий перемещения физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств и не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, – не предполагает возможность учета специфики их перемещения, осуществляемого физическими лицами в целях личного использования, и не позволяет этим лицам осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия», и рекомендовал федеральному законодателю регламентировать этот вопрос. Сам же состав контрабанды, предусмотренный ст. 226.1 УК РФ, нареканий у органа конституционного контроля не вызвал.

Данное постановление содержит и другие важные для толкования норм уголовного права положения в свете принципа правовой определенности. КС РФ подчеркивает особую значимость требования определенности правовых норм и их согласованности в общей системе правового регулирования применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью

которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена нормами иных отраслей права. Кроме того, орган конституционного контроля связывает конституционную законность уголовной ответственности с её соразмерностью характеру и степени общественной опасности криминализуемого деяния, а также точным и недвусмысленным определением в уголовном законе составообразующих признаков этого деяния [\[11\]](#). При этом правовая определенность распространяется, по мнению Конституционного Суда РФ как на сам УК РФ, так и на восполняющее его бланкетное законодательство.

Такого рода разъяснения относятся к составу контрабанды неслучайно, поскольку большинство признаков этого состава как в старой редакции, так и в новых вариантах, носит бланкетный характер и определяется отраслевым регулятивным законодательством. Сложность и труднопонимаемость для обычного гражданина в купе с юридической фикцией знания закона негативным образом отражается и на правовой определенности. КС РФ в данном случае как раз и не затрагивает существа самой контрабанды, предусмотренной УК РФ, а указывает на неопределенность, порожденную несовершенством отраслевого регулятивного законодательства, наполняющего содержанием бланкетные признаки уголовного закона.

Некоторую ясность в толкование признаков новых составов контрабанды внес Верховный Суд РФ, приняв 27 апреля 2017 г. постановление Пленума № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде». Прежде всего в этом постановлении учтены изменения в области таможенного регулирования в связи с оформлением Таможенного союза и ЕврАзЭС. Также подчеркивается бланкетность уголовно-правового регулирования ответственности за контрабанду и необходимость обращения при квалификации к отраслевым правовым актам, конкретизирующим положения УК РФ. Сложные и противоречивые положения содержит п. 10 рассматриваемого Постановления. В соответствии с этим пунктом по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 226.1 и 229.1 УК РФ, в тех случаях, когда незаконное перемещение предмета контрабанды осуществлено не только через таможенную границу, но и через государственную границу, содеянное следует рассматривать как одно преступление при наличии единого умысла лица на совершение перечисленных действий, при этом если у лица, совершившего контрабанду предметов, предусмотренных статьями 226.1 и 229.1 УК РФ, через таможенную границу, в дальнейшем возник умысел на перемещение этих же предметов через государственную границу, содеянное образует совокупность преступлений [\[12\]](#). Сложность способна вызвать необходимость установления единства умысла на перемещение таможенной границы и государственной границы, ранее подобного рода разъяснение существовало в постановлении Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [\[13\]](#), которое требовало установления и доказывания единства умысла в случае совершения убийства двух или более лиц. А.И. Коробеев подробно рассматривает необходимость такого разъяснения, которое имело смысл при существовании в УК РФ неоднократности как категории Общей части уголовного права и её отграничения от совокупности, предусмотренной в форме квалифицирующего признака «убийство двух или более лиц», а с исключением неоднократности в декабре 2003 года эта необходимость отпала [\[14, с. 167-169\]](#). На сегодняшний день в отдельных статьях Особенной части неоднократность предусмотрена как квалифицирующий или даже как конституирующий признак, однако ни один из специальных составов контрабанды такого признака не содержит. Возникает вопрос к Пленуму Верховного Суда РФ: а стоит ли, в отсутствие необходимости, снова возвращаться к разъяснению, которое в свое время

породило значительные сложности в правоприменительной практике.

Положительно необходимо оценить разъяснения, содержащиеся в п. 16 анализируемого постановления. Они посвящены определению места совершения контрабанды для выявления территориальной подсудности по делу. Действующий УК РФ не содержит нормы о месте совершения преступления, поэтому такие разъяснения востребованы и актуальны. К примеру, Пленум ВС РФ указывает, что «если предмет контрабанды перемещается на таможенную территорию под видом товара посредством регистрируемого международного почтового отправления (заказным письмом, бандеролью, мелким пакетом), местом совершения такого преступления является место, по которому с таким товаром совершаются операции, связанные с его выпуском (место международного почтового обмена)». Здесь конкретизируется общее правило, выработанное теорией уголовного права и судебной практикой о том, что местом совершения преступления признается место совершения общественно опасного деяния независимо от места наступления общественно опасных последствий [\[15, с. 97\]](#). Применительно к таким сложным трансграничным преступлениям (преступлениям международного характера), как контрабанда, именно такое индивидуальное решение вопроса о месте совершения преступления, неурегулированного уголовным законом, представляется наиболее приемлемым.

Подводя итог рассмотрению некоторых изменений в статьях раздела VIII УК РФ в свете соотношения общей и специальной нормы необходимо отметить, что, несмотря на явно выраженную тенденцию к повышению уровня казуистичности уголовного закона законодатель, как правило, соблюдает существующие в общей теории права рекомендации относительно природы и содержания общих и специальных норм. Лишь в части соотношения ст. 159 и ст. 159.6 УК РФ следует констатировать грубое игнорирование положения о том, что специальная норма не может предусматривать принципиально иного правового регулирования, нежели установлено общей нормой, в данном случае – установленного законом и поддержанного судебной практикой понимания мошенничества как хищения чужого имущества, а также приобретения права на имущество, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием.

Что же касается контрабанды, то отказ от общего состава и распределение специальных составов по главам УК РФ, соответствующим их общественно опасной направленности, следует считать позитивным решением законодателя, поскольку прежняя конструкция состава контрабанды, по сути, предполагала направленность посягательства на различные объекты, по видовой принадлежности оставаясь экономическим преступлением.

Законодательное разрешение возможной конкуренции общей и специальной нормы, установленное в ч. 3 ст. 17 УК РФ, действует в рамках сложившихся представлений об общей и специальной норме и не способно разрешать ситуации, когда специальная норма, не будучи исключительной, принципиально выходит за пределы, установленные общей нормой. В таких случаях законодателю необходимо избегать возможных ситуаций правовой неопределенности, поддерживать терминологическое единство в рамках УК РФ, в противном случае единственным средством преодоления противоречий выступает толкование терминов *ad hoc*, которое также не способствует правовой определенности, так активно продвигаемой Конституционным Судом РФ.

Библиография

1. Васев И.Н. Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и

- практики: учеб.-практ. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2016. 144 с.
2. Иногамова-Хегай Л.В. Виды конкуренции норм уголовного права // Российский юридический журнал. 1999. № 4. С. 56-69.
 3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. 912 с.
 4. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // "Российская газета", № 266, 24 ноября 2016 г.
 5. Плохова В.И. Недавние решения Конституционного Суда РФ и совершенствование уголовного закона // Черные дыры в российском законодательстве. 2008. № 5. С. 127-129.
 6. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 850 с.
 7. По делу о проверке конституционности положений ст. 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П // СЗ РФ от 29 декабря 2014 г. № 59 (Часть I). Ст. 7784.
 8. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам / сост. А.И. Рарог, А.А. Бимбинов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. 624 с.
 9. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. III: Преступления в сфере экономики / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. 786 с.
 10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006. 944 с.
 11. По делу о проверке конституционности положения ст. 226.1 УК РФ в связи с жалобами граждан республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева: постановление КС РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П // Собрание законодательства РФ. 27 июля 2015 г. № 30. Ст. 4659.
 12. О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 // Российская газета-Федеральный выпуск №7265 (99). 11 мая 2017 г.
 13. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Российская газета. № 24. 09 февраля 1999 г.
 14. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. II: Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. 682 с.
 15. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. – Томск: Изд. дом ТГУ, 2016. 600 с.
 16. Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления против собственности / отв. ред. В.Б. Малинин.-СПб.: Издание профессора Малинина, 2011. 1024 с.
 17. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография.-М.: Норма, 2015. 288 с

References (transliterated)

1. Vasev I.N. Kollizionnoe pravovoe regulirovanie v Rossii: voprosy teorii i praktiki: ucheb.-prakt. posobie. – М.: Yurlitinform, 2016. 144 s.
2. Inogamova-Khegai L.V. Vidy konkurentzii norm ugolovnogo prava // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 1999. № 4. S. 56-69.

3. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / otv. red. A.I. Rarog. – 11-e izd., pererab. i dop. – M.: Prospekt, 2017. 912 s.
4. O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel'skoi i inoi ekonomicheskoi deyatel'nosti: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15 noyabrya 2016 g. № 48 // "Rossiiskaya gazeta", № 266, 24 noyabrya 2016 g.
5. Plokhova V.I. Nedavnie resheniya Konstitutsionnogo Suda RF i sovershenstvovanie ugolovnogo zakona // Chernye dyry v rossiiskom zakonodatel'stve. 2008. № 5. S. 127-129.
6. Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 2. Ugolovnyi zakon / otv. red. V.B. Malinin. – SPB.: Izdanie professora Malinina, 2005. 850 s.
7. Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii st. 159.4 UK RF v svyazi s zaprosom Salekhardskogo gorodskogo suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 dekabrya 2014 g. № 32-P // SZ RF ot 29 dekabrya 2014 g. № 59 (Chast' I). St. 7784.
8. Sbornik postanovlenii Plenumov Verkhovnykh Sudov SSSR, RSFSR i RF po ugolovnym delam / sost. A.I. Rarog, A.A. Bimbinov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Prospekt, 2017. 624 s.
9. Polnyi kurs ugolovnogo prava: v 5 t. T. III: Prestupleniya v sfere ekonomiki / pod red. A.I. Korobeeva. – SPb.: Yuridicheskii tsentr «Press», 2008. 786 s.
10. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / otv. red. V.M. Lebedev. – 6-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurait-Izdat, 2006. 944 s.
11. Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya st. 226.1 UK RF v svyazi s zhalobami grazhdan respubliki Kazakhstan O.E. Nedashkovskogo i S.P. Yakovleva: postanovlenie KS RF ot 16 iyulya 2015 g. № 22-P // Sobranie zakonodatel'stva RF. 27 iyulya 2015 g. № 30. St. 4659.
12. O sudebnoi praktike po delam o kontrabande: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 27 aprelya 2017 g. № 12 // Rossiiskaya gazeta-Federal'nyi vypusk №7265 (99). 11 maya 2017 g.
13. O sudebnoi praktike po delam ob ubiistve (st. 105 UK RF): postanovlenie Plenuma VS RF ot 27 yanvarya 1999 g. № 1 // Rossiiskaya gazeta. № 24. 09 fevralya 1999 g.
14. Polnyi kurs ugolovnogo prava: v 5 t. T. II: Prestupleniya protiv lichnosti / pod red. A.I. Korobeeva. – SPb.: Yuridicheskii tsentr «Press», 2008. 682 s.
15. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. posobie / pod obshch. red. V.A. Utkina, A.V. Sheslera. – Tomsk: Izd. dom TGU, 2016. 600 s.
16. Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 18. Prestupleniya protiv sobstvennosti / otv. red. V.B. Malinin.-SPb.: Izdanie professora Malinina, 2011. 1024 s.
17. Inogamova-Khegai L.V. Kontseptual'nye osnovy konkurentsii ugolovno-pravovykh norm: monografiya.-M.: Norma, 2015. 288 s